

Глава 228: Таким образом, мы познаем их (Часть II)

Тысячи лет назад не было такого понятия, как семнадцать монолитов переднего мавзолея. Когда они внезапно появились, естественно, за этим стоял какой-то смысл. Что Чэнь Чан Шэн стремился сделать - это найти этот смысл. Конечно, он уже понял, что этот смысл, скорее всего, был связан с отсутствующим Небесным Монолитом. Он давно исчез и он не сможет найти его. Тем не менее, он знал, что его процесс дешифровки монолитов не был удовлетворительным. Если он даже не попытается найти эту недостающую часть, то отверстие в его сердце никогда не будет заполнено. Это была ситуация, которая была невыносимой для него.

Отражающий Монолит, Пронзающий Облака Монолит, Монолит Изогнутого Османтуса, Монолит Направления Реки, Монолит Птичьего Языка, Монолит Восточного Павильона... семнадцать монолитов переднего мавзолея одновременно предстали перед его глазами.

В центре его поля зрения был Отражающий Монолит, в то время как другие шестнадцать облетали его, когда он пытался собрать их всех вместе. Только все монолитные надписи были слишком заумными и сложными. Эти линии были слишком необъяснимыми и непостижимыми. Между линий не было и единственной естественной связи, а между знаками невозможно было найти связывающей метки. Независимо от того, как он соединял, он не мог найти никаких признаков, что эти монолитные надписи изначально были одним целым.

У него даже было ощущение, что если сломанный монолит был восстановлен, и он был бы в состоянии прочитать его надписи, он все же не смог бы сопоставить их вместе.

В течение нескольких сотен лет никто не мог понять глубокие тайны семнадцати монолитов переднего мавзолея. Это уже показывало, что его усилия были тщетны. Он невозмутимо сидел снаружи монолитной хижины. В какой-то момент его глаза закрылись. Семнадцать Небесных Монолитов быстро перемещались по его морю сознания, соединяясь всеми видами способов. Они не останавливались, в результате чего его духовное чувство потреблялось быстрее и быстрее, а его лицо становилось бледнее и бледнее.

За пределами Мавзолея Книг мир был так же тих. Из огней бесчисленных домов столицы более половины из них было потушено. Лишь особняки аристократии, а также двух основных мест Императорского Дворца и Дворца Ли все еще были ярко освещены. Целеустремленность Чэнь Чан Шэна постичь монолиты переднего мавзолея еще раз вызвала шок у многих людей. Это побудило насмешки, но также сделало так, что некоторые люди не могли спать.

Время медленно, но уверенно текло мимо. Обширное небо блестящих звезд постепенно тускнело. После того, как прошла темнота, свет зари вновь поднялся, освещая землю. Бессознательно Чэнь Чан Шэн провел целую ночь, сидя перед монолитной хижинкой. Было также много людей внутри и за пределами мавзолея, которые оставались там всю ночь, ожидая его.

С легким теплом утреннего света изучающие монолиты начали прибывать по горное тропе один за другим. Когда они увидели Чэнь Чан Шэна, сидящего внутри, закрыв глаза и не говоря ни слова, все их выражения были разными. Возможно, это было восхищение, возможно, это была насмешка, а у некоторых даже было чувство освобождения, которое трудно описать. Обстоятельства прошлой ночи были особенными, так что Нянь Гуан смог прогнать всех монолитных зрителей, но это не могло продолжаться вечно, поэтому площадь вокруг леса стала постепенно оживляться.

Некоторые люди качали головами при виде Чэнь Чан Шэна, прежде чем вернуться к их собственным монолитам. Некоторые люди решили намеренно остаться вокруг монолитной хижины просто посмотреть, что Чэнь Чан Шэн сможет понять. Они радовались его страданиям, когда вспомнили о том, как вчера Чэнь Чан Шэн видел весь передний мавзолей и мог уйти с уверенностью. Тем не менее, он решил остаться, как если бы он взял камень, чтобы затем уронить его себе на ноги.

Люди, живущие в соломенной хижине, тоже пришли. Танг Тридцать Шесть нес горшок с кашей. Было ясно, что этот отпрыск Вэнь Шуй Тангов, рожденный с золотой ложкой во рту, не тратил и дня своей жизни на домашнее хозяйство. Каша, которую он нес, капала по всему пути, часть ее даже упала на его обувь. Он казался несколько побитым и обессиленным. Чжэ Сю принес с собой несколько блюд и пару булочек, в то время, как Ци Цзянь нес миски и палочки для еды.

Чэнь Чан Шэн открыл глаза, взял миску каши, и со словом благодарности Ци Цзянь начал есть.

Он съел две миски каши, затем съел булочку и немного маринованного тофу. В этот момент он почувствовал себя достаточно сытым, поэтому отложил палочки для еды.

Танг Тридцать Шесть увидел его явно бледное лицо и озабоченно спросил: «Может съешь еще немного, или как ты будешь двигаться вперед?»

Чэнь Чан Шэн ответил: «Слишком много еды вызовут сонливость».

Танг Тридцать Шесть нахмурился. «Хотя мне не ясно, что, черт возьми, ты пытаешься понять, так как ты настаиваешь на этом, я знаю, что нет никакого способа, чтобы разубедить тебя, но не говори мне, что ты действительно планируешь делать это без сна?»

В стороне Гоу Хань Ши не говорил ничего. Он знал, что причина, почему Чэнь Чан Шэн был в спешке, была в том, что день, когда откроется Сад Чжоу, становился все ближе и ближе.

Чжэ Сю предложил мокрое полотенце Чэнь Чан Шэну.

Полотенце было замочено в ручье, так что оно было очень холодным. Чэнь с силой протер свое лицо и почувствовал, что его энергия несколько восстановилась. Он сказал группе: «Вам, ребята, не нужно беспокоиться обо мне».

Сказав эти слова, он вновь закрыл глаза.

Хотя он закрыл глаза, Гоу Хань Ши и другие знали, что он все еще рассматривал монолиты. Возможно, этот метод не вредил его глазам, а скорее вредил его духу.

Утренние птицы вылетали приветствовать восходящее солнце, стряхивая росу с их крыльев и перьев. Вокруг монолитной хижины была восстановлена тишина. Казалось, что все люди уже ушли.

С закрытыми глазами и скрещенными ногами Чэнь Чан Шэн сидел перед монолитной хижинкой и продолжал пытаться осмыслить монолиты.

Время текло мимо. Бесшумно прибыл полдень, затем сумерки, затем темная ночь.

Сегодня столица была такой же мирной, как и Мавзолей Книг. Во Дворце Ли архиепископы были не в настроении, чтобы обращать внимание на отчеты их подчиненных. В Императорском

Дворе канцлерам было не до государственных дел. Скорость, с которой Мо Юй читала мемориалы, критически уменьшилась. Божественная Императрица вывела черную козу на медленную прогулку по Дворцу Великого Блеска, думая о том или ином. За один этот день Поп полил Зеленый Лист семь раз.

Те, кто не знал, кто не понимал, рассматривали действия Чэнь Чан Шэна, как развлечение или тему для болтовни.

Те же, кто знал, как Чжоу Ду Фу постигал монолиты, кто понимал подноготную Мавзолея Книг, с волнением ждали, что что-то случится или не случится.

К этому моменту это что-то до сих пор не произошло.

В поле зрения Чэнь Чан Шэна, или возможно в его море сознания, семнадцать Небесных Монолитов сформировали бесчисленные комбинации и перестановки. Несмотря на то, что он не исчерпал все возможности, он уже исчерпал огромное количество усилий и израсходовал огромное количество духа. К сожалению он до сих пор не нашел то, что искал. Для него в мире до сих пор что-то отсутствовало.

Вдруг у него появилась вспышка озарения. Он более не пытался собрать семнадцать монолитов вместе. Если быть точнее, он более не пытался поставить монолиты на одной плоскости вместе. Вместо этого он организовал семнадцать монолитов в прямую линию.

Прямо перед ним был Отражающий Монолит, позади него был Пронзающий Облака Монолит, а сзади был Монолит Изогнутого Османтуса. Он выстроил их в последовательность прямой линии.

Затем он подумал, что были нужны только монолитные надписи.

Таким образом тела семнадцати монолитов исчезли, оставив только необъяснимо сложные линии.

Семнадцать слоев монолитных надписей, от ближних к дальним, висели перед его глазами.

Его взгляд мог видеть сквозь монолитные надписи на Отражающем Монолите и видеть надписи на других шестнадцати монолитах за ним.

Когда эти надписи были наложены друг перед другом, они сформировали совершенно новый, никогда ранее не виденный, невозможный для представления вид.

Он посмотрел на него и был поражен.

В семнадцати монолитах переднего мавзолея, чем дальше они были, тем проще и упорядоченней они казались. Линии при наложении, как представлялось, становились более упорядоченными, чем дальше они были. Возможно то, что он хотел найти, было скрыто внутри?

Однако линии на Отражающем Монолите были чрезвычайно сложными. Хотя линии на монолите позади были сравнительно проще, они по-прежнему были сложными и непонятными, но если их наложить в один общий вид, их сложность умножалась на несколько раз. Опираясь лишь на душевные силы человека, люди никогда не смогут расшифровать его. Даже если они просто попытаются, они по-прежнему столкнутся с проблемы.

Чэнь Чан Шэн лишь взглянул на это, его духовное чувство было едва простимулировано, и он нашел это совершенно невыносимым. Его море сознания тряслось в беспорядке, и острая боль пришла из его живота.

Он выплюнул кровь, смачивая свою рубашку.

Из вечно мирных, казалось пустынных, окрестностей монолитов раздался крик тревоги.

Но чтобы не затронуть Чэнь Чан Шэна, эти люди снизили громкость их криков.

Глаза Чэнь Чан Шэна все еще были закрыты, потому он не знал о ситуации. Кроме того его ум был полностью сфокусирован на глубоко сложном дизайне, поэтому он не заметил их криков.

Ему нужен был только взгляд, чтобы понять, что это нельзя было понять через человеческие силы.

Он внутренне сказал себе: Чуть проще.

Эти два слова были предназначены не для этой конструкции, а для него самого.

В море сознания культиватора, если он видел мир определенным образом, мир будет меняться в соответствии с тем, что человек представлял.

Он решительно обуздал свой дух. Полагаясь только на его мышление, которое было спокойным не по его годам, а также духовное чувство, чья мягкость даже удивила Божественную Императрицу, он вновь посмотрел на дизайн.

Он не пытался организовывать и рассчитывать эти строки, он просто смотрел на них. В ответ эта конструкция стала несколько проще.

В этой конструкции он увидел бесчисленные каракули детей, увидел бесчисленных персонажей, увидел бесчисленные песни и поэмы, увидел бесчисленные картины, увидел красиво благоустроенные и построенные здания Дворца Ли, увидел великий баньян Ортодоксальной Академии, увидел высокие горы, окутанные облаками, и увидел три тысячи Свитков Пути.

Все, что существовало в этом мире, также существовало в этой конструкции.

Однако, все еще было недостаточно. Этого все еще было слишком много, оно было слишком сложным.

Чэнь Чан Шэн тихо сказал себе: Тогда еще проще.

Он забыл три тысячи Свитков Пути, которые изучал с тех пор, как был молод, забыл песни и поэмы, которые ранее видел, забыл, что однажды был во Дворце Ли, забыл, что он взбирался на большой баньян, и с Ло Ло рядом с ним удовлетворенно смотрел на закат над столицей, забыл все символы, которые он знал. Он забыл все обо всем.

Такая забывчивость явно не была истинной забывчивостью. Это была лишь самоизоляция ума.

Только таким образом он сможет задать себе один вопрос.

Если бы он был неграмотным ребенком, которые увидел эти линии, что бы он подумал?

Это были следы.

Это были следы текущей воды.

Это были следы облаков.

Это были следы, оставленные стаей гусей, которые летели через голубое небо.

Все прогулки должны оставить позади следы... Нет, это что-то, что придумали в эссе и утешении при чувстве боли.

Когда снежные гуси летели по небу, не оставляя следа. Линии снега действительно были лишь изображением для глаз.

Только на что указывали эти линии?

То, на что указывали линии снега, это на белых гусей, которые были впереди линии.

То, на что указывали эти линии, был конец линии.

Если нет конца, то линия должна пересекаться где-то.

Еще проще.

Чэнь Чан Шэн уставился на несравненно сложный дизайн и повторил эти слова самому себе.

Семнадцать монолитов наложились друг на друга перед его глазами.

Сначала исчезли камни монолитов.

Затем исчезли линии.

Все больше и больше линий продолжало исчезать перед его глазами, медленно, непрерывно исчезая.

Все больше и больше пустого пространства медленно, непрерывно появлялось перед его глазами.

Семнадцать монолитов полностью исчезли. Линии на монолитах тоже исчезли. Родился новый дизайн.

Это было бесчисленное количество изолированных точек.

Чэнь Чан Шэн был уверен, что никогда ранее не видел этот дизайн.

Но по какой-то причине он чувствовал, что этот дизайн был очень знакомым

(Прим.пер. Название этих двух глав «Таким образом, мы познаем их» из последнего раздела Алмазной Сутры. Эта секция подчеркивает, что реальность иллюзорна и является временной конструкцией, и мы должны рассматривать ее как таковую).